

О. И. Степанова (Минск)

**КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ
В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКИХ НОЗОЛОГИЧЕСКИХ
НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ**

Категория принадлежности (посессивности) – универсальная языковая категория, которая указывает на отношения, возникающие между владельцем (другими словами, собственником/посессором) и объектом его владения. Посессором обычно является одушевленный субъект. Объектом владения может выступать не только конкретный предмет, но и «действие или качество, представленное языком как своего рода субстанция» [1, с. 203].

Структура данной категории в лингвистике понимается неоднозначно. Узкое понимание посессивности предполагает ситуацию «соб-

ственно владения» – принадлежности неодушевленного объекта одушевленному субъекту. Желательным условием при этом является «отсутствие временных ограничений на отношения посессивности» [2, с. 39]. В более широком понимании, на которое мы ориентировались в данной работе, значение посессивности характеризует отношения посессора и его признака/свойства, а также отношения части и целого – партиитивность. Понятие партиитивности тесно связано с понятием отчуждаемости/неотчуждаемости (отторжимости/неотторжимости). Установлено, что отношения посессивности чаще всего возникают между человеком и его родственниками; человеком и его материальной собственностью; человеком и культурными/интеллектуальными продуктами его деятельности; организмом человека/животного и его органами/частями.

Ученые неоднократно указывали на связь категорий посессивности и локативности [2, 3, 4, 5], поскольку для реализации отношений принадлежности необходимо «пространственное приближение между посессором и объектом» [2, с. 39].

Значение принадлежности может быть выражено различными языковыми средствами. На лексическом уровне – глаголами *иметь*, *владеть*, *принадлежать*, *обладать* и т. п.; именами существительными *владелец*, *собственник*, *хозяин* и т. п. На грамматическом уровне – при помощи родительного падежа (конструкция «у + родительный падеж») и др. Главную роль в репрезентации посессивной семантики играют разряды притяжательных местоимений и притяжательных прилагательных.

Мы считаем, что категория принадлежности наряду с категориями предметности, процессуальности, признаковости, компаративности, нумеральности и темпоральности может составлять основу именования русских нетерминологических названий болезней – слов и словосочетаний, которые называют заболевания, однако не являются нозологическими терминами (*волынская лихорадка*, *медвежья болезнь*, *мексиканский тиф*, *лисья короста*, *ленивая смерть*, *черная болезнь* и др.).

Цель работы – определить место категории принадлежности в качестве основы русских нетерминологических нозологических номинаций. Материалом исследования послужили русские производные нетерминологические нозологические наименования в количестве более 1000 единиц, извлеченные методом сплошной выборки из толковых, диалектных, этимологических и исторических словарей [6, 7, 8, 9, 10].

В качестве метода исследования выступает ономазиологический анализ с опорой на номинативное суждение (НС). НС – инструмент познания мотивов возникновения имени [11, с. 37]. Следует отметить, что исследования подобного рода ранее не проводились.

Мы считаем, что категория принадлежности положена в основу образования нозологической единицы в том случае, если привлеченным к именованию оказался признак по принадлежности либо обладанию. Установить, что наименование заболевания возникло с опорой на категорию принадлежности, можно в ходе анализа смысловых отношений между компонентами ономазиологической структуры (ОС) нозологического наименования – ономазиологическим базисом (ОБ) и ономазиологическим признаком (ОП). В ОС наименования категория принадлежности соотносится с ономазиологическим признаком. Количество номинативных единиц, в ономазиологической структуре которых присутствует посессивный ономазиологический признак, в корпусе анализируемого материала невелико. Нами было зафиксировано менее 5 % нозологических единиц подобного рода (*стопа спортсмена, конская походка, сердце старого сержанта* и т. п.). Все они являются неоднословными. Это соответствует общей тенденции выражения посессивности: «в процессе номинативной деривации признак по принадлежности чаще реализуется аналитически, в неоднословной единице, и значительно реже в однословной» [11, с. 114]. Анализ показал, что данная группа номинаций неоднородна по своему составу. С одной стороны, ее формируют названия болезней, ОП которых соотносится только с категорией посессивности, с другой стороны – номинативные единицы, чей ОП одновременно соотносится с категориями компаративности и посессивности. Проиллюстрируем вышесказанное. Так, ОС номинации *солдатское сердце* в значении ‘военный посттравматический синдром’ выглядит следующим образом. НС: *солдатское сердце* – это сердце солдата. В ономазиологической структуре данного наименования выявляются отношения партитативности (целое – часть). ОБ – *сердце*. ОП выражен притяжательным прилагательным *солдатское*. Аналогичной является ОС наименований *сердце старого сержанта* (‘военный посттравматический синдром’), *стопа атлета* (‘эпидермофития’), *стопа спортсмена* (‘эпидермофития’), *ухопловца* (‘наружный отит’) и т. п. Мы считаем возможным отнести подобного рода номинации к посессивному номинативному типу.

Обратимся к анализу еще одной подгруппы номинативных единиц, репрезентирующих категорию посессивности. В ее состав входят наи-

менования *птичьи глазки* ('один из видов профессионального дерматоза'), *заячья губа* ('незаращение неба'), *волчья пасть* ('незаращение неба'), *сучье вымя* ('гидраденит'), *куриная слепота* ('гемералопия') и т. п. На наш взгляд, подобного рода наименования формируют компаративно-посессивный тип нозологических нетерминологических единиц, поскольку в основе перечисленных номинаций лежит сравнение пораженного органа или части тела человека с аналогичным органом/частью тела, принадлежащим животному. Так, *тюленья лапа* – это деформация кисти человека, при которой она напоминает плавник тюленя. ОП – *как лапа тюленя*. Иногда симптом заболевания сравнивается со свойством/признаком, характерным для того или иного животного/сверхъестественного существа. Сравним: *рука вампира*, *петушиная походка*, *лошадиная походка*, *конская походка*, *вороньи сапоги*, *куриная слепота* и т. п. Так, *рука вампира* ('гиперкератоз фрамбезийный') – это заболевание, при котором рука больного напоминает руку вампира из-за чрезмерного утолщения рогового слоя кожи, а также множественных высыпаний на коже (чаще на ладонях и подошвах человека). ОП – *как рука вампира*. ОП перечисленных наименований одновременно соотносится с категориями компаративности и посессивности.

Приведенные номинации необходимо отличать от номинативных единиц типа *тигровое сердце*, *собачья лихорадка*, *крысиный тиф*, *кроличья болезнь*, *заячья болезнь*, *львиная болезнь*, *болезнь оленьей мухи* и др. Анализ смысловых отношений в ОС подобного рода наименований указывает на то, что их ОП соотносится с категорией предметности либо с категорией компаративности. Например, *тигровое сердце* ('паренхиматозная дистрофия') – это болезнь, при которой сердце человека из-за того, что на его разрезе под эндокардом различимы тонкие желто-белые полоски, напоминает шкуру тигра. ОП – *как тигр*. *Львиная болезнь* ('лепра') – это болезнь, при которой лицо человека напоминает морду льва. ОП – *как лев*. ОП в обоих примерах имеют компаративную природу. ОП номинаций *мышинная лихорадка* ('геморрагическая лихорадка с почечным синдромом'), *заячья болезнь* ('туляремия') и под. соотносятся с категорией предметности и указывают на переносчика заболевания. ОП – *от мыши / от зайца*.

Необходимо отметить, что в основе процесса возникновения номинативных единиц, репрезентирующих категорию посессивности, почти всегда лежит метонимия («пораженный орган – название болезни»), а зачастую и метафора. Следовательно, посессивность положена в основу метонимического переноса.

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на значимость категории посессивности для русской нозологической номинации, посессивный номинативный тип не отличается особой многочисленностью. Более того, данная категория как основа именованного заболевания выступает чаще всего в сочетании с категорией компаративности. Ономаσιологический признак в структуре наименований болезней последовательно реализует лишь одно из значений категории принадлежности – партитативности.

1. Цейтлин, С. Н. Семантическая категория посессивности в русском языке и ее освоение ребенком // Семантические категории в детской речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iling.spb.ru/grammatikon/mater/dr2007/pdf/tseytlin_dr2007.pdf. – Дата доступа: 10.10.2019.

2. Heine, B. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization / B. Heine. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 39.

3. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / под ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996.

4. Seiler, H. Possession as an operational dimension of language / H. Seiler. – Tübingen: Gunter Narr, 1983. – P. 4.

5. Милованова, М. В. Понятие посессивности: проблемы определения и структуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-posessivnosti-problemy-opredeleniya-i-struktury>. – Дата доступа: 10.10.2019.

6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/> – Дата доступа: 10.10.2019.

7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 15-е изд. – М.: Русский язык, 1984.

8. Филин, Ф. П. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=88556&p=1>. – Дата доступа: 10.10.2019.

9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1.

10. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.slovorod.ru/etym-cher>. – Дата доступа: 15.09.2018.

11. Трофимович, Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности: моногр. / Т. Г. Трофимович. – Минск: БГПУ, 2003.